

**Проблемы жанровой идентичности историко-психологического нарратива
Фабрикант Маргарита Сауловна**

Соискатель

*БГУ-Белорусский государственный университет, факультет философии и
социальных наук, Минск, Беларусь*

E-mail: marharyta.fabrykant@gmail.com

Значимость истории психологии в становлении, поддержании и трансформации профессиональной идентичности специалиста не вызывает сомнений, чего нельзя сказать обо всех остальных аспектах проблемы написания историко-психологических текстов. Помимо нелинейности развития и мультипарадигмальности психологической науки [2], ее жизнеописание предполагает необходимость так или иначе позиционировать себя относительно ключевых вопросов современной методологии истории. К числу таковых относятся, прежде всего, проблема взаимозависимости фактологии и способа наррации, выбор релевантного контекста и реодоление этноцентризма.

Первая проблема заключается в изначальной жанровой неопределенности текста, который позволил бы озаглавить себя «История психологии». План выражения не просто должен соответствовать плану содержания, быть прозрачным (в том смысле, который вкладывает в это понятие П.Рикер), но во многом определяет содержание и составляет его значимую часть [3]. История психологии, как и любой другой, причем не только гуманитарной, науки, представляет собой нечто большее, нежели конспективное изложение взглядов ведущих исследователей: в таком тексте неизбежно заложена стрела времени, которая может иметь различные воплощения. Х.Уайт дифференцировал три основных жанра написания истории - анналы, хроники и истории [4]. Анналы – простейший способ изложения исторического материала, в котором факты группируются без какой-либо тематической взаимосвязи, эксплицитных принципов отбора и попыток интерпретации, а единственным объединяющим фактором и способом структурирования текста является общая дата с точностью до года. При этом описание деталей того или иного события может быть весьма подробным, что не компенсирует отсутствие интерпретационного фрейма. История психологии, выдержанная преимущественно в таком жанре, представляет собой конспект, точнее, компиляцию конспектов различных областей психологической науки, но не самостоятельный текст с собственной логикой.

Вторым жанром исторического текста является хроника. По сути, ее единственное существенное отличие от анналов – тематические рамки. Фиксируются не все факты, становящиеся достоянием автора, а лишь имеющие отношение к теме, которая определяется посредством идентификации главного героя – сообщества или географического региона. Интерпретация и целостная модель развития при этом по-прежнему отсутствуют, а идеалом видится возможно более содержательно насыщенный компендиум фактов. В истории психологии, написанной в жанре хроники, каковой, насколько мы можем судить, в настоящее время преобладает, главной героиней является сама психология. На более дифференцированном уровне возникают различные подхроники, в которых речь идет об отдельных парадигмах, что решает проблему разбивки объемного текста на главы. Межпарадигмальная дифференциация необходима для понимания принципиально различных правил построения знания и связанных с ним практик [2],

однако история психологии, достойная этого наименования, не может сводиться к совокупности историй отдельных школ и направлений. История в собственном смысле слова – относительно недавно появившийся жанр, согласно Х.Уайту, – предполагает не только тематическую общность, но и единый интерпретационный гештальт с обязательным объяснением событий, будь то причинно-следственным или функциональным. Единственным интерпретационным ресурсом такого плана, который нам удалось встретить в текстах по истории психологии, является дискурс о прогрессе, когда положение вещей в психологии, существующее на момент написания исторического текста, каким оно видится автору, принимается за нормативный идеал, а все события прошлого развития психологической науки оцениваются в зависимости от того, способствуют они или препятствуют наступлению актуального состояния [1]. Проблема не только в отсутствии каких-либо оснований для подобной идеализации настоящего момента, но и в отсутствии саморефлексии историка, что делает аисторичным время написания текста и тем самым отбрасывает тень аисторичности на все предшествующие эпохи.

Альтернативные интерпретационные ресурсы, предполагающие более высокую степень исторической рефлексивности, связаны с необходимостью решения проблемы релевантности. Вопрос заключается в том, какого рода фактический материал следует включать в историю психологии, а именно – достаточно ли ограничиться изложением результатов эмпирических исследований и теоретических размышлений или необходимо также раскрывать сам процесс, включая отвергнутые направления, биографические детали, роль которых не сводима к беллетризации текста и развочечению читателя, институциональных условий, многие из которых находят современные и зачастую политически не вполне корректные аналогии, и более широкого социокультурного контекста, знакомство с которым требует достаточно глубоких познаний в области не только психологии, но и истории, причем как у автора, так и у читателя.

Проблема релевантности имеет, помимо тематического, еще и географическое измерение. Необходимо решить, во-первых, вопрос о том, правомерно ли включать в книгу об истории психологии повествование о странах, представители которых не внесли (возможно, еще не внесли) международно признанного вклада в ее прогресс, во-вторых, следует ли отдавать предпочтение отечественным ученым. Этноцентризм в его успешном варианте оборачивается академическим империализмом, как в известном западном учебнике, где на более чем восьмистах страницах нет ни одного упоминания о Л.С.Выготском [1], а в противном случае – провинциализмом, который с еще большей эффективностью реализует антинормы науки.

В конечном счете, многообразие доступных способов наррации предоставляет большие возможности для написания историко-психологических текстов. Выбор должен определяться целью, преследуемой подобными текстами. По нашему мнению, таковой является, прежде всего, не легитимация психологической науки, не предоставление ролевых моделей и даже не систематизация знаний, а развитие исторического сознания психолога-профессионала, которое позволяет не только находить ответы более частного порядка, но и ставить собственные, индивидуально значимые вопросы.

Литература

1. Хант М. История психологии. М., 2009.

2. Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. Минск, 2000.
3. Ricoeur, P. *Soi-même comme un autre*. Paris, 1990.
4. White, H. *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation* / H.White. – Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press, 1987.